

Константин Бальмонт, не раз уповавший себя Солнцу (непременно — с большой буквы), умер на чужбине в хмурый декабрьский день. Шел дождь — зима во Франции напоминает нашу осень, в могилу набжало много воды, и, когда гроб опустили, он всплыл. Долго искали шест, нашли наконец и, пока засыпали сырую кладбищенскую яму, придерживали им шевелящийся гроб. Народу было совсем немного, и в основном мужчины, а покойный, надобно сказать, всегда предпочитал женское общество. Об этом в один голос говорят не только мемуаристы, но и люди, связанные с ним родственными узами. Например, дочь. «Может, не совсем удобно об этом говорить, но общеизвестно, что отец имел колоссальный успех у женщин. Его постоянно окружало большое количество поклонниц и почитательниц».

для нее вечера в русской колонии. "После выступления Бальмонт пошел в кафе и, выпив, пришел, как всегда, в неистовое состояние. Елена была с ним в кафе, а оттуда сопровождала его в блужданиях по городу ночью. Когда все кафе закрылись и негде было сидеть, она повела Бальмонта к себе в комнату, так как Бальмонт никогда не возвращался домой, когда был не трезв. Елена ни минуты не колебалась произвести скандал в маленьком скромном пансионе, где она жила, приведя с собой ночью мужчину".

Читая этакое, трудно отделаться от впечатления, что обманутая жена пристрастна. Ан нет! Когда знакомишься со свидетельствами других мемуаристов, видишь, что иначе

Французский и немецкий она знала уже раньше. Занятия математикой и астрономией были заброшены". Надобно сказать, что вторая жена тоже была далеко не безразлична к вещам, которые волновали ее удивительного супруга, тоже потакала его капризам, подчас весьма причудливым, но о возможности столь полного растворения в мужчине даже не подозревала. И теперь не скрывала своего полуудивления, полувосхищения — не без налета, видимо, зависти. А уж ревности-то — наверняка. Хотя изо всех сил старалась быть объективной.

У нее это получалось далеко не всегда. Так, она явно преувеличивает, утверждая, что Елена даже писать стала почерком Бальмонта.

Бальмонта. А чуть позади — бессловесная женская фигура.

Это была Елена. "Они провели уже много часов в кабаке, — пишет Волошин, уточнив, что шел пятый час утра. — Она была в легкой кофточке и вся дрожала и кашляла надрынным чахоточным кашлем".

Но так выглядела после бессонной ночи она, а вот он, ее неутомимый, неутомимый супруг, который был намного старше ее, держался молодцом. "Он сидел румяный, возбужденный. Казался страшно здоровым. Она рядом с ним маленькая, иссохшая. Почти старая. Худая до желтизны. С маленькой, выдавшейся вперед челюстью".

Сохранилась фотография, которая подтверждает, что цепкий волошинский взгляд — взгляд профессионального художника — запечатлел этих двоих ввалившихся к нему под утро людей абсолютно точно. На снимке Бальмонт в берете, с седой бородкой клинчиком, в руках — папироска, крепкий, прямой, вальяжный, а рядом с ним — старуха с впалыми щеками, по виду вполне годящаяся ему в матери. И это — та, кем еще недавно восхищались монпарнасские художники! "Но он, — записывает в дневнике Волошин, — не замечал ее перемены и с пафосом бросал восторженные слова: — Елена! Это Елена!"

По мнению Волошина, "она была похожа на жену мастерового, которая, измученная ребенком, ходит за мужем по кабакам".

Вот только почему — похожа? Она и была женой мастерового — в высоком смысле этого слова. И кабаки тоже были реальностью. Как был реальностью и ребенок, четырехлетняя дочь по имени Мирра. Ее-то и оставила Елена, отправившись с мужем по кабакам Парижа. Отпустить его одного было уже нельзя... Оказавшись у Волошина, попыталась улизнуть — теперь ее неумный и непредсказуемый господин был под присмотром, — но он грозно остановил ее: куда? Ответ Елены, ее виноватую просьбу-объяснение потрясенный Волошин также записал в дневнике: "Мне надо посмотреть Миррочку".

Последним бурным увлечением стареющего поэта стало увлечение женщиной, которую Бальмонт никогда не видел.

"Ей был 21 год, когда она написала мне письмо, русская из Финляндии, я ответил ей, и два года она была моей весной — и в весне, и в зиме, и в лете, и в осени".

Ее звали Татьяной Осиповой, она взахлеб читала стихи, пробовала сама сочинять и тихо таяла, пожираемая чахоткой. Зато с каким благоговейным трепетом вскрывала приходящие из Франции конвертики со знакомым почерком! Иногда их бывало сразу по два, а то и по три — Константин Бальмонт ни в чем не знал меры.

"Моя воля, моя любовь побеждали ее неугу. Это я знаю из писем ее матери. И, казалось, что, победив весну, она спасена. Но внезапно ей стало худо, и она закрыла глаза навсегда, на руках у матери, со словами любви к ней и ко мне... Мне кажется, что мое сердце пробило и опустошено".

Но рядом с его пробитым и опустошенным сердцем билось другое — всегда в унисон ему, всегда чувствующее все его замедления, все его ускорения. И когда дождливым декабрьским днем это мужское сердце остановилось, то спустя полтора месяца, сразу после сороковин, остановилось и женское. Как и он, она умерла от воспаления легких.

*О Елена, Елена, Елена,
Как виденье, явись мне скорей.*

Она услышала и явилась. Она была верной женой и отказать ему не смела ни в чем. Она шла за ним всюду, куда бы он ни звал ее — в холод, в нищету (а нищета с каждым днем становилась все беспощадней), в неуют и во мрак небытия.

**Руслан КИРЕЕВ.
Художник Мария ПАТРУШЕВА.**

ТЕНЬ СОЛНЦА

ЭТА ЖЕНЩИНА СЛЕДОВАЛА ЗА НИМ ВСЮДУ.
ОНА ПОСЛЕДОВАЛА ЗА НИМ
ДАЖЕ В МОГИЛУ...

Друг - 1998. - 25 сент. - с. 18.



Временами это даже утомляло его. "Я устал от чувств, — признавался он. — Если бы все мои любви волею Бога превратились в сестер моих, любящих друг друга... я, вероятно, вздохнул бы с безмерным облегчением".

Увы! Те, кого он любил, и, главное, те, кто любил его, превращаясь в сестер не спешили, а относились к своему избраннику страстно и требовательно, на что он, человек горячий, реагировал бурно, подчас даже слишком бурно, как бы оправдывая этимологию своей редкой фамилии, которая некогда звучала как Баламут и лишь потом превратилась в красивое и не очень понятное "Бальмонт" с ударением на втором слоге.

"Он был небольшого роста, с некрасивым умным лицом, энергичным и оригинальным, "обожженным" не европейским солнцем, — пишет о нем одна из мемуаристок. — Он был одним из умнейших людей, каких я знала, если умным человеком называть такого, который, во-первых, с полуслова понимает собеседника и, во-вторых, сам, в течение любого разговора, живет, меняется, творит, меняет других... Я часто буквально пила его речь, живую, острую, яркую, своеобразную, как и его мысль".

Но это — Бальмонт, то есть тот, кто блистал в салонах, кто, будучи полиглотом, переводил с десятков языков лучших поэтов мира, кто писал ученые статьи об Оскаре Уайльде и Шота Руставели, а тем временем Баламут, выясняя отношения с женщинами, которые почему-то не желали превращаться из пылких любовниц в тихих, непритязательных сестричек, выпрыгивал, решив свести счеты с жизнью, в окно.

Последний раз это случилось в Брюсселе, откуда он рвался в Париж, с женой повидаться, но не с первой — с первой расстался давно и окончательно, — со второй, удерживала же его (не очень, как видим, крепко: с балкона махнула вниз) жена третья. И последняя.

Она была дочь генерала Константина Цветковского и носила имя, которое благодаря Гомеру было для поэта священным.

*Дочь лебедя,
волны вскипевшей пена,
Грань торжества,
звезда среди жен, Елена.*

Итак, ее звали Еленой, она была на тринадцать лет младше его, рано проявила интерес к точным наукам, особенно — к астрономии, поступила на математический факультет в Сорбонну; и здесь-то, в Париже, на поэтическом вечере Бальмонта в русской колонии, весьма тогда многочисленной, увидела того, кто давно уже был ее кумиром. "Она знала его стихи наизусть, собирала его книги, все, что он писал и что писали о нем. Его книга "Будем как Солнце" в прекрасном переплете всегда находилась возле нее".

Пикантность и особую, может быть, убедительность этой характеристике придает то обстоятельство, что дана она соперницей Елены, причем соперницей, потерпевшей поражение, ибо Елена увела от нее мужа, — Екатериной Андреевой-Бальмонт.

свою супругу, союза с которой добивался долго и трудно, наперекор родственникам, наперекор обстоятельствам. Бросив все, в том числе первую жену, примчался за ней инкогнито в Швейцарию, вскарабкался, хромой (после первого прыжка из окна), на гору, где она жила с сестрой в стоящем на отшибе отеле, и отправил ей с горничной коробку московских конфет, изрядно помятую в дороге. К коробке прилагалась записка, которая не сохранилась, но о пылкости тогдашних чувств Бальмонта можно судить по его письму к матери.

"Я нашел такое счастье, какое немногим выпадает на долю, если только выпадает (в чем я сомневаюсь). Я люблю в первый и последний раз в жизни, и никогда еще мне не случалось видеть такого редкого сочетания ума, образованности, доброты, изящества, красоты и всего, что только может красить женщину. Это моя неприкосновенная святая, и по одному ее слову я мог бы принести самую большую жертву".

Прошло совсем немного времени (но для него — много: "Я живу слишком быстрой жизнью"), и он приносит в жертву свою недавнюю святую. Хотя, впрочем, почему недавнюю? Он и теперь, после встречи с Еленой, столь стремительно и, как оказалось, необратимо ворвавшейся в его жизнь, сохранил с женой прекрасные отношения. Взахлеб рассказывал ей о своем новом увлечении — именно с его слов Екатерина Алексеевна восстановила подробности того рокового

эта генеральская дочка просто не могла себя вести.

Бальмонт писал жене о своей горячей поклоннице из Сорбонны с восторгом, однако супруга до поры до времени не придавала этому особого значения: мало ли кем увлекается ее муж! Но вот наконец женщины увидели друг друга.

"Ей тогда было девятнадцать. Молчаливая, сдержанная, с очень хорошими манерами, с оригинальным бледным лицом, она совсем не показалась мне тем загадочным существом из сказки Эдгара По, какую мне ее описывал Бальмонт. Но ее наружность, надо сказать, поражала своей необычностью даже в Париже. Мне рассказывал Макс Волошин, который очень восхищался ее внешностью, что, встречая его вместе с Еленой, французские художники и другие на Монпарнасе постоянно спрашивали Волошина: "Кто это?" и "Нельзя ли писать ее?"

Но она не замечала художников. Она вообще никого не замечала. "Она, — пишет о третьей жене своего бывшего мужа жена вторая, — высказывала ему свое обожание при всех и при мне, ни с кем и ни с чем не считаясь. Никто, кроме Бальмонта, не существовал для нее. Она интересовалась только теми вопросами, теми людьми, которые ему были интересны. Чтобы читать и говорить с ним на его любимом английском языке, она тотчас стала его изучать, а затем и испанский, польский, итальянский, с которых научилась переводить под руководством Бальмонта.